

УДК 37.02:811.581(045)

Ю.В. Молоткова

ИЕРОГЛИФОЦЕНТРИЗМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ СИСТЕМЕ ПИСЬМА НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается теория «цзыбэньвэй» или иероглифоцентризм, основные положения которого позволяют рассматривать иероглиф в качестве точки пересечения различных уровней языка: семантического, графического, фонетического, социокультурного, синтаксического и т.д. Иероглифоцентризм позволяет строить процесс обучения иероглифической системе письма с опорой на иероглиф, как основную структурную единицу китайского языка, а не на слово, морфему, предложение и т.д., как это делалось в предыдущих методиках обучения. Теория иероглифоцентризма имеет большое значение: она не только позволяет лучше и глубже понять структуру китайского языка, по-новому подойти к его специфическим проблемам, но и обогатить новым содержанием теорию общего языкознания в целом. Кроме того она предоставляет прочную методологическую базу, систему принципов и методов для проведения дальнейших теоретических и практических исследований.

Китайская иероглифическая письменность – одна из древнейших в мире, ее существование насчитывает уже более трех с половиной тысяч лет [1, с. 60]. В течение долгого времени она была одним из основных объектов изучения китайских лингвистов. Уже во времена династии Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) сформировалась «малая наука» 小学 *сяо сюэ*, в ведении которой находилась иероглифическая письменность и которая представляла собой свод информации о начертании, значении и чтении знаков. Эта наука всегда была под пристальным вниманием государства, заинтересованного в стабильности китайского иероглифического письма [2, с. 543]. И на сегодняшний день иероглифика является предметом интереса и специалистов-языковедов и методистов, исследующих проблемы преподавания китайского языка (далее – КЯ).

Исторически сложилось так, что до конца XIX в. китайские ученые исследовали собственный язык в изоляции, вне зависимости от зарубежных традиций и научных направлений. Основная работа в сфере иероглифики была направлена на исследование истоков происхождения письма, на категоризацию иероглифических знаков, создание единых правил написания и употребления, составление списков и словарей иероглифов, выступавших в роли учебников письма [3, с. 18]. Постепенно формировалась самостоятельная наука, которая занималась исследованием исключительно иероглифов – *иероглифология*. На сегодняшний день она включает в себя четыре основных направления.

1. Учение о способах образования иероглифов и их структуре исследует закономерности создания и эволюции иероглифических знаков, структуру отдельного знака и системы иероглифов в целом.

2. Этимология иероглифов рассматривает их происхождение и семантическое развитие, раскрывает самые ранние формы иероглифических знаков.

3. Учение о стилях занимается исследованием иероглифов отдельных исторических периодов, изучает различные каллиграфические стили, формы и способы записи, особенности каждого стиля.

Научный руководитель – А.П. Пониматко, кандидат педагогических наук, доцент, декан переводческого факультета Минского государственного лингвистического университета

4. В исследованиях культурной ценности иероглифов, с одной стороны, рассматривается иероглифика как культурное явление в целом, с другой – исследуется национально-культурный компонент, содержащийся в отдельных иероглифических знаках, анализируется и объясняется его значение [4, с. 54].

Результаты исследований в данных четырех направлениях предоставляют достаточно полные сведения о системе иероглифики.

Открытость Китайской Народной Республики внешнему миру способствовала проникновению на его территорию новых лингвистических идей и течений. «Грамматический компендиум господина Ма» («Ма ши вэнь тунь»), вышедший в 1898 г. в Шанхае, автором которого является Ма Цзяньчжун, стал первой грамматикой, ориентированной на европейские лингвистические стандарты [3, с. 30]. Данная работа ознаменовала наступление нового этапа в развитии китайского языкознания, который исследователи оценивают неоднозначно. По мнению Сю Тунцяна, его можно охарактеризовать полным отсутствием собственной систематизированной грамматической теории и использованием заимствованных европейских знаний и опыта [5]. С проникновением зарубежных идей на территорию Китая одной из важнейших проблем китайской науки о языке становится определение основной единицы языка, под влиянием развития европейского языкознания появляется множество различных подходов. Сторонники синтаксоцентризма (Ма Цзяньчжун и Ли Цзиньси) в качестве основной единицы языка выделяют части речи и предложение. Ван Ли и Люй Шусян придерживаются словоцентризма, т.е. основной единицей языка считают слово; Чжу Дэси – морфемцентризма (основная единица – морфема), Сун Фуи – фразоцентризма (простое предложение) [6, с. 36]. В последнее десятилетие XX века китайские исследователи пересматривают принципы европейского языкознания по отношению к КЯ, вырабатывают новый подход, соответствующий непосредственно КЯ. Происходит переосмысление основной структурной единицы языка. Появляется все больше сторонников *иероглифоцентризма*: Сю Тунцян, Пань Вэньго и др., – которые в качестве основной единицы КЯ рассматривают *иероглиф*. Данное направление носит название «цзыбэньвэй» (от кит. «字» «цзы» – иероглиф, «本位» «бэньвэй» – основная единица).

Несмотря на довольно ранние предпосылки возникновения теории иероглифоцентризма [6, с. 7], свое теоретическое обоснование она получила в работах Сю Тунцяна [5] и его последователей Пань Вэньго, Чэн Юйминя и некоторых других [7]. Исходным понятием в теории «цзыбэньвэй» является «иероглиф» – знак китайского письма, представляющий собой сложную графическую фигуру. По-китайски «字» «цзы» – «письменный знак», в европейских языках он называется «character» – «знак», по-русски он по аналогии со знаками других иероглифических письменностей называется «иероглифом», а письменность – «иероглифической» [2, с. 444]. Различия между иероглифическим и звукобуквенным письмом проявляются на всех уровнях и во всех свойствах знаков. Графическое отличие заключается в том, что знак иероглифического письма сложнее знаков звукобуквенных систем, а их количество достигает многих тысяч. Современный словарь китайского языка включает 50 тысяч знаков [8]. От звукобуквенных письменностей иероглифические отличаются также принципом обозначения. Звукобуквенное письмо служит для передачи единиц плана выражения, фонем, слогов, которые не имеют собственного значения. Иероглифическое письмо передает понятия, или «психологические реальности» [5], значимые для носителей лингвистические единицы, то есть непосредственно план содержания. Знак иероглифического письма представляет собой некоторое условное графическое изображение, которое может быть

изображением самого референта, но не последовательность слогов или фонем, входящих в состав соответствующей лингвистической единицы [2, с. 445].

Сю Тунцян дает следующее определение понятию «цзы»: «Структурная единица КЯ, в которой проявляется связь звука и смысла, ее особенностью является соответствие: «один иероглиф – один слог – одно понятие», то есть один слог может включать в себя целое понятие» [5]. Другой исследователь Пань Вэньго подчеркивает, что «иероглиф – это базовая структурная единица китайского языка» [9, с. 314].

Таким образом, «цзы» – это структурная единица психологической реальности общества, пользующегося КЯ, не только написанный знак, но и произнесенный звук, т.е. структурная единица, которая сочетает в себе звук и значение и относится к определенному предмету или явлению реальности [7].

Несмотря на то, что многие исследователи отождествляют функции иероглифа и морфемы, тем не менее между ними имеются значительные различия. Во-первых, морфема линейна: она не может являться прямым кодом реальности; иероглиф – нелинейная единица, он содержит в себе устойчивые соответствия формы, звука и значения и является непосредственным кодом отражения действительности. Во-вторых, наблюдаются и различия на функциональном уровне: морфема – наименьшая структурная часть слова, имеющая вещественное, словообразовательное или грамматическое значение, а иероглиф одновременно выполняет множество функций на различных уровнях языка. В-третьих, иероглиф может включать в себя значения нескольких слов, в то время как морфема, как правило, имеет одно определенное значение [5]. В-четвертых, отличие между морфемой и иероглифом также проявляется в том, что они занимают неодинаковые позиции в системе своих языков. И наконец, различие имеется и во взаимосвязи звука и значения в одном знаке. Морфема в индоевропейских языках не может передавать какое-либо понятие, а китайский иероглиф, за исключением редких случаев, содержит его в себе. По сравнению с морфемой в индоевропейских языках, китайский иероглиф обладает более сильной смысловой нагрузкой, а также более жестким соответствием между звучанием и значением. С этой точки зрения, иероглиф можно соотносить со «словом» в индоевропейских языках [5].

Если Сю Тунцян говорит о конкретных различиях между «морфемой» индоевропейских языков и китайским «иероглифом», то Пань Вэньго вообще отрицает возможность применения понятия «морфема» к КЯ. Он рассматривает «морфему» как минимальную значимую единицу системы языка, которая имеет возможность вносить смысловые и грамматические изменения в слово или высказывание. А так как в КЯ полностью отсутствуют морфологические изменения и нет единицы, которая обладала бы словоизменяемыми характеристиками, то, следовательно, в КЯ нет и морфемы [9]. В свое время еще Люй Шусян говорил о том, что «главной отличительной чертой китайской грамматики является то, что в нем нет строгих смысловых морфемных изменений» [6, с. 36].

Представители словоцентризма (Ван Ли, Люй Шусян и др.) утверждают, что иероглиф в КЯ является по сути словом. Однако, несмотря на то, что он, также как и слово, выполняет номинативную функцию, называет отдельные элементы опыта, вступает в синтаксические связи с другими иероглифами и обладает позиционной самостоятельностью, мы не можем отождествлять иероглиф и слово. В традиционном китайском языкознании в качестве слова рассматривался иероглиф, но это происходило главным образом оттого, что в древнем китайском языке, как правило, все слова были односоставными, то есть состояли из одного знака [10, с. 27]. Однако развитие языка и появление новой лексики изменило данную ситуацию. Количество слов постоянно меняется, в то время как количество иероглифов ограничено и они стабильны. Со времен возникновения иероглифики в Древнем Китае новых иероглифов практически создано не было, за исключением некоторых наименований химических элементов. Создание новых

слов происходило за счет использования комбинаций старых иероглифов. Рассмотрим, к примеру, иероглиф «长», у которого имеется два варианта чтения «cháng» и «zhǎng». Первоначальный вариант чтения данного иероглифического знака – «cháng», в древнем китайском языке он относился к категории изобразительных иероглифов и на графике передавал значение опирающегося на трость старика с длинными волосами, подчеркивались именно длинные волосы. Далее значение иероглифа развивалось по следующей схеме: длинные волосы → длинные по форме предметы (长矛、长城、长袍) → длинное, протяженное пространство (长途、长跑、长空) → длинное, долгое время (长夜、长期、长久、长生不老) → абстрактная длина, протяженность (长处、擅长、一技之长、取长补短) → длина как результат роста → рост, появление (成长、长高、增长、拔苗助长) → раннее появление (年长、长辈、长者、家长、长老、师长) → занимающий первое место (长子、长女、长兄) → ответственное лицо, обладающее определенными правами (长官、县长、部长、校长、首长、队长、班长、船长、厂长) [10, с. 28]. Как видно, появление новой лексики способствовало также и развитию фонетического и семантического аспектов иероглифического знака. Исследователь Чжоу Цзянь предлагает представить отношения иероглифа и слова тремя основными формами. Во-первых, один иероглиф может служить для записи односоставного слова и одновременно являться компонентом в других многосоставных словах: 人、心、手、口、山、水、大、新、跑、飞、今、美 и т.д. Такая форма взаимоотношений объединяет иероглиф и слово, она была преимущественной в древнем китайском языке, и именно она повлияла на распространенное мнение о том, что иероглиф и есть слово. Во-вторых, один иероглиф может изображать знак, который словом не является: 谦、弛、敏、兴、历、晴 и т.д. Иероглифы данной группы хотя и имеют определенное значение, но, как правило, в современном языке не используются в качестве самостоятельных единиц, а только в комбинации с другими иероглифами. В такой ситуации иероглиф занимает позицию, ниже слова. В-третьих, один иероглиф может записывать слог, который практически не имеет своего собственного значения, т.е. иероглиф имеет звучание, но не имеет значения. Это неделимые слова 参差、蹉跎、徘徊, звукоподражательные слова 噼啪、哗啦、咕噜, заимствованные слова 巧克力、沙发、克隆 и т.д. [10, с. 31]. Иероглифы, входящие в состав этих слов не имеют определенного значения, поэтому если использовать для записи другие знаки, на смысл слова в целом это не окажет никакого влияния. Границы иероглифа очевидны, чего нельзя сказать о слове в КЯ. В древнем КЯ 桌 являлся словом, и все было определено, сейчас же к словам относят и такие сочетания иероглифов, как 桌子、书桌、方桌、圆桌、会议桌, однако в таком случае к словам следует отнести и такие сочетания, как 大桌子、小桌子, что, по мнению некоторых исследователей, является достаточно спорным [10, с. 31]. Таким образом, в КЯ позиции слова и иероглифа не совпадают, это единицы разных уровней. Слова, как правило, состоят из двух и более иероглифов, значение слова выводится из значений компонентов слова, то есть иероглифов. Таким образом, становится очевидным тот факт, что слово не рав-

но иероглифу. Чжао Юаньжэнь отмечал, что «китайский язык не исчисляется словами». То есть отрицал позицию «слова» как центральной единицы в КЯ [6, с. 36].

В теории иероглифоцентризма иероглиф рассматривается в качестве знака, обладающего внутренней логикой, которому присущ свой звуковой образ или фонетический код; он практически всегда имеет собственное значение, включает в себя информацию различного содержания: языковой класс единицы, класс предметов, явлений действительности, национально-культурный, историко-культурный компоненты и т.д. Графический компонент иероглифического знака включает набор черт, графем (детерминатив, фонетик и простой знак), а также структурную схему иероглифического знака. Фонетический образ иероглифического знака – это его фонетическое оформление, включающее инициаль, финаль, тон и связь звучания с фонетиком в фоноидеограммах. Семантический аспект обладает сложной многокомпонентной структурой, в которой помимо денотативного и сигнификативного значений, выраженных посредством графической формы, можно выделить и коннотативный, стилистический, прагматический, синтагматический или синтаксический и другие аспекты значения. Кроме того, китайская иероглифика несет в себе богатый национально-культурный и историко-культурный контекст [5–7].

По мнению Пань Вэньго, теория «цзыбэньвэй» – это не просто обращение к новой единице языка, это не только исследование в области грамматики КЯ, это вызов всей системе языкознания [9]. Дело в том, что в течение последнего столетия многие китайские исследователи пытались разработать новую теорию, которая бы удовлетворяла специфическому характеру КЯ. Однако ни одна из них не была более дискуссионной, чем теория иероглифоцентризма. Она не только позволяет лучше и глубже понять структуру КЯ, по-новому подойти к его специфическим проблемам. Еще более важно, что данная теория может обогатить новым содержанием теорию общего языкознания в целом. В этом и заключается ее гносеологическое значение. Онтологическое значение теории в ее стремлении познать КЯ как он есть, раскрыть основы языка, принципы его существования и организации, его структуру и закономерности. По мнению Пань Вэньго, идеальное языкознание должно исследовать не только устную речь, но и письменный язык, а также соотношение устного языка и письменного [9].

Целью теории «цзыбэньвэй» является, во-первых, установить диалог с общей теорией языка, т.е. поставить китайское языкознание с его спецификой на один уровень с мировым языкознанием. Во-вторых, создать базу для изучения и сравнения древнего и современного КЯ. Помимо всего прочего задачи иероглифоцентризма включают решение не только теоретических, но также и практических вопросов, поиск наиболее эффективных методик обучения КЯ, повышение общего уровня грамотности в стране, распространение КЯ по всему миру.

Теория «цзыбэньвэй» не является единственной, попытавшейся решить вопрос об основной единице КЯ. Однако все предыдущие попытки заканчивались выбором грамматической единицы и не касались всего языка в целом, они не уделяли также внимание каждому отдельно взятому языку с его спецификой, которую необходимо учитывать в исследовании. Что касается теории «цзыбэньвэй», то ее сторонники полагают, что в каждом отдельном типе языка имеется своя собственная единица, которая должна выполнять свои функции во всех плоскостях. Так, в индоевропейских языках слово является точкой пересечения фонетики, лексикологии, грамматики, семантики, прагматики и т.д., в КЯ эти функции выполняет иероглиф.

Таким образом, теория предоставляет прочную методологическую базу, систему принципов и методов для проведения дальнейших теоретических и практических исследований [9]. Теория иероглифоцентризма дает нам возможность рассматривать иероглиф в качестве точки пересечения различных уровней языка: семантического, графического, фонетического, социокультурного, синтаксического и т.д. Основные поло-

жения иероглифоцентризма позволяют строить процесс обучения иероглифической системе письма с опорой на иероглиф, как основную структурную единицу КЯ, а не на слово, морфему, предложение и т.д., как это делалось в предыдущих методиках обучения. Специфика кодирования информации в КЯ позволяет говорить о мотивированности китайских знаков в сравнении с произвольностью знаков языков индоевропейской семьи. Мотивированность языкового кода дает основание говорить о КЯ как о языке семантическом (семантический тип языка), в то время как индоевропейские языки являются грамматическими (грамматический тип языка) [7]. Положение о мотивированности иероглифического знака может служить основанием для организации иероглифического материала в виде гнезд иероглифов, сгруппированных по различным признакам, что позволит добиться наиболее эффективных результатов в процессе обучения иероглифической системе китайского письма и тем самым повысить общий уровень владения КЯ студентов языковых вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павленко, Н.А. История письма : учеб. пособие для филол. фак. вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н.А. Павленко. – Минск : Выш. шк., 1987. – 239 с.
2. Софронов, М.В. Введение в китайский язык / М.В. Софронов. – М. : Муравей, 1996. – 256 с.
3. Курдюмов, В.А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика / В.А. Курдюмов. – М. : ЦИТАДЕЛЬ-ТРЕЙД; ЛАДА, 2005. – 576 с.
4. 丁, 素嬌, 汉字学对汉字教学的作用 [Electronic resource] / Wangfang Data, 2009. – Mode of access : http://d.wanfangdata.com.cn/periodical_qnwj200917036.aspx. – Date of access : 19.08.2011.
5. 徐, 通锵, “字本位”和语言研究 [Electronic resource] / China Academic Journal Electronic Publishing House, 2005. – Mode of access : http://jpkc.ecnu.edu.cn/0703/ckwx/_字本位_和语言研究.pdf. – Date of access : 15.07.2011.
6. 王, 骏. 字本位与对外汉语教学 / 骏王. – 上海 : 上海交通大学出版社, 2009. – 229 页.
7. 字本位”理论述闻 [Electronic resource] / 大学语文研究, 2011. – Mode of access : <http://www.ejyx.com/ejyx/1/ReadNews.asp?NewsID=4574>. – Date of access : 19.08.2011.
8. 现代汉语词典 : 2002年增补本 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 北京 : 商务印书馆, 2002. – 1767 页.
9. 潘, 文国“字本位与汉语研究” [Electronic resource] / 语言教学与研究, 2006. – Mode of access : <http://wenku.baidu.com/view/7a506313cc7931b765ce152e.html>. – Date of access : 19.08.2011.
10. 周, 健. 汉字教学理论与方法 / 健周. – 北京 : 北京大学出版社, 2007. – 227 页.

Molotkova Y. Zibenwei as Theoretical Basis of Teaching Students of Linguistic Universities of Hieroglyphic Written System

In this article we discuss the theory «Zibenwei», the main theoretical propositions of which allow us to consider character as a point of intersection of different language levels: semantic, graphic, phonetic, social, cultural, syntactic, etc. Zibenwei allows us to build a learning process with character as the basic structural unit of the Chinese language, not a word, morpheme, sentence, etc., as done in previous approaches. Zibenwei provides methodological foundation and framework of principles and methods for further theoretical and practical researches.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.09.2011